Mrázek, Roman

Имеющиеся синтетические труды по сравнительному славянскому синтаксису

In: Mrázek, Roman. *Сравнительный синтаксис славянских литературных языков : исходные структуры простого предложения.* Vyd. 1. V Brně: Univerzita J.E. Purkyně, c1990, pp. 11-16

ISBN 8021002042

Stable URL (handle): https://hdl.handle.net/11222.digilib/122538
Access Date: 27. 11. 2024
Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

MUNI ARTS Masarykova univerzita Filozofická fakulta

Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University
digilib.phil.muni.cz

6 Одно дело ясно: какими остроумными бы ни были любые попытки выдвинуть новую, „нетрадиционную" трактовку всего инвентаря исходных славянских предложений, все-таки в конце концов нельзя не признать их принципиальной дихотомии: (а) с наличествующим эффициентом, получающим форму им. пад. (изредка также род. пад.) в позиции грамматического подлежащего (структуры подлежащные), (б) без эффициента вообще (ср. р. *Уже рассвело*) или с эффициентом, получающим иное формальное обличие (ср. р. *Метелью намело глубокие сугробы*) (структуры бесподдежащные). И намеченные нами выше пять основных классов предикатов, по сути дела, перекликаются с традиционным, зарекомендовавшим себя расчленением сказуемого на глагольный (сюда входит предицирование действия, обладания и экзистенции) и именной (он охватывает предицирование качества и количества).

II. ИМЕЮЩИЕСЯ СИНТЕТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ ПО СРАВНИТЕЛЬНОМУ СЛАВЯНСКОМУ СИНТАКСИСУ

7 Численность синтетических трудов, обрабатывающих комплексно синтаксис простого и/или сложного предложения всех славянских языков, оказывается весьма органиченной. Притом крупные опусы, снабженные богатым материалом, возникали прежде всего в связи с господством младограмматизма. А теоретические свершения, связанные с наступлением структурного языкознания и исходящих из него различных ответвлений, вплоть до последнего времени, были почему-то менее благоприятными для создания подобных сводных синтезов. Появлялись, с одной стороны, некоторые парциальные сравнительно-исторические и сравнительные монографии или очерки и статьи, а, с другой стороны, проекты и программные рекомендации, подкрепленные минимальным документальным материалом. Их авторы сами лишь в виде исключения готовы были продемонстрировать свои идеи на кропотливой эвристической практике с привлечением текстовых явлений всех славянских языков, воплотив их в цельных, синтезирующих трудах. Ниже будет еще обосновано, что от сравнительно-исторических трактовок славянского синтаксиса развитие синтактологии продвинулось вперед, признавая теперь полную автономность и оправданность подачи синхронно-современного компаративистского среза актуального состояния по отдельным языкам. Ввиду общей малочисленности, и даже недостаточности интегральных обработок сравнительного синтаксиса славянского предложения, предлагаемая книга может содействовать выполнению одной из насущных задач сравнительной славянской синтактологии.

8 Сравнительные труды по синтаксису начинаются — в более объемном размере — с выхода в свет знаменитого произведения Ф. Миклошича, а именно IV-го тома его сравнительной грамматики славянских языков (Miklosich 1883). Для него синтаксис был той частью грамматики, которая объясняет употребление и значения классов слов и словоформ. Поэтому в его синтаксисе обрабатываются главным образом словосочетания, с учетом частеречных и словоизменительных признаков, однако с привлечением и целых предложений в качестве примеров.

Широкие сравнительные горизонты охватывают соответственные главы в капитальном произведении А. А. Потебни, представителя психологического направления, Из записок по русской грамматике I-II, III, IV (Потебня 1888—1941). Он обрабатывает избранные главы по строю предложения (уделяя углубленное внимание безличным конструкциям) и по морфологической семантике частей речи. Особенно много места им отводится надежной проблематике, в частности твор. падежу, как и функционированию причастий. Проникновенные наблюдения Потебни касаются прежде всего вост.-славянских, но также и других славянских и индоевропейских языков, опираясь на материал из литературных языков и диалектов.

В. Ягич в своем небольшом произведении (Jagić 1899), вслед за Потебней, делает центром своих сравнительных изысканий предложение как целое. Он рассматривает проблематику двусоставных и односоставных предложений, субъекта, предиката (глагольного, именного, партиципиального) и предикативного детерминанта. Особое внимание им уделяется связке в сказуемом, и также способам глагольного действия полнознаменательных предикаторов.

Вершиной всех этих, в основном младограмматических, произведений, базирующихся на основополагающих индоевропеистских сравнительно-исторических опусах Бругмана и Дельбрюка (см. Brugmann-Delbrück 1911 Brugmann 1925),[3] явился синтез сравнительного синтаксиса В. Вондрака (Vondrák 1928). В первоначальном виде (от 1908 г.) в нем излагается преимущественно строение предложения по чисто грамматическим и также общекоммуникативным аспектам, с некоторыми ныне весьма распространенными точками зрения на обязательное наличие финитного глагола во всяком подлинном предложении, на главенствующую роль предиката и т. п. Второе издание, подготовленное О. Грюненталем (от 1928 г.) представляет своего рода „смешанный" синтаксис, распадающийся на морфо-синтаксическую семантику частей речи и словоформ (в концепте близком к Миклошичу) и на собственно синтаксис предложения. Можно добавить, что подобная дихотомия вообще пустила глубокие корни в практике составления школьных и научных синтезов по синтаксису. В последние

[3] Необходимо отметить также сравнительный синтаксис индоевропейских языков Г. Хирта от 1934 г. (Hirt 1934).

десятилетия, однако, т. наз. семантическая морфология обычно объединяется с формальной морфологией.

Серьезный, неоценимый вклад в сравнительно-исторический синтаксис славянских языков внес, хотя и не в виде монографии, замечательный чешский ученый И. Зубаты (Zubatý 1954). Его открытия, касающиеся строя глагольного предложения, безглагольных высказываний, неопределенно-личных, обобщенно-личных предложений и особенно происхождения дейктических местоимений, наречий и союзов, пролили новый свет на индоевропейские взаимосвязи и параллели, содействовали более углубленному познанию диахронии явлений.

9 Оценивая все заслуги, которые принадлежат названным лингвистам Миклошичу, Потебне, Ягичу, Вондраку (и другим, опиравшимся на них), все же нельзя не видеть также некоторых недостатков, всем им свойственных.[4] Заключаются они в некоторой нивелировке временных координат, в недостаточном различении древних, а, с другой стороны, позднейших и живых актуальных явлений. Им недоставало, естественно, сознания системности языка, или привлекалась документация в виде изолированных примеров, безразлично к литературности или диалектальности, не говоря уже о функциональной и стилевой нагрузке экспонируемого материала. Несмотря на то что в самих названиях их опусов этого не отражалось, их подход к подаче объясняемых объектов был сравнительно-историческим. Подобная двухаспектная трактовка, сочетающая сравнение языков обязательно с историческим подходом, широко распространилась и продолжает отчасти жить до сих пор. Однако она неверна. Мы считаем, что развившаяся впоследствии в недрах структурного направления одна лишь сравнительная или сопоставительная презентация языковых фактов тоже полностью оправдана. Притом разумеется, что определенная осведомленность по поводу диахронной динамики объясняемой материи является весьма полезной, даже крайне желательной — но она может оставаться большей частью „имплицитной"; так обстоит дело и с предлагаемым трудом.

10 Впрочем, несмотря на неуклонно возрастающий размах языковедения и, в частности, славянского языкознания, славянской синтактологии, все-таки новых крупных синтезов после новой версии книги Вондрака от 1928 г. долго не возникало. Правда, выходили в свет некоторые сводные сравнительные опусы, но сведения по синтаксису в них или отсутствовали, или давались в них только в весьма ограниченном, неполном объеме.

Иные же пособия приносили не фактическое сравнение, а скорее соположение характеристик отдельных славянских языков, подчас с четкой дидактической установкой. Ср. особенно: van Wijk (1937[1], 1956[2]), Nahtigal (1938[1], 1952[2]), Селищев (1941), Милетич (1946), de Bray (1951[1], 1969[2], 1980),

---

[4] Ср. анкету по этой проблематике, в связи с международным конгрессом славистов в Софии: Славянска филология, т. 1, София 1963, с. 87—96.

Lehr-Spławiński-Kuraszkiewicz-Sławski (1954), Horálek (1955[1], 1962[2]), Кондрашов (1956[1], 1962[2]), Леков (1959), Bidwell (1969), Гаспаров-Сигалов (1974), Stieber (1979[2]), Vaillant (1950—1977). Кстати, весьма симпатичный труд французского слависта-компаративиста от 1977 г., завершающий его предыдущие изыскания (Vaillant, *Grammaire comparée des langues slaves,* V: *La syntaxe*), оказывается как будто запоздалым эпилогом к наследию Миклошича и Вондрака, не отразив современных теоретико-методологических веяний.

Серьезным вкладом в дело диахронического сравнительного описания славянского синтаксиса явился книжный синтез О. С. Мельничука о развитии структуры славянского предложения от 1966 г. Он означал, собственно, продолжение изысканий Миклошича, Ягича, Потебни и Вондрака, с учетом некоторых новейших теоретических концептов. В нем дается, тем не менее, в основном традиционная трактовка материала. Временные показатели приводимых примеров, как отражение развития соответственных систем, отходят на задний план. Заслуживает положительного признания тот факт, что в книге содержатся не только общая характеристика структуры предложения в славянских языках, но и описание их типов по конститутивной модальности (повествовательные, вопросительные, побудительные...), как и подробное рассмотрение проблематики сложного предложения.

11 Перспективной попыткой создать цельный труд, посвященный экспозиции нынешних типов предложений славянских литературных языков, является книга Й. Шренка от 1968 г. (Schrenk 1968). Она занимается преимущественно структурами простого предложения, однобазовыми, а лишь периферийно — также структурами двухбазовыми, включая и сложные предложения. К ее достоинствам относится стремление охватить все важные типы, упорядочив их в виде обзорных списков, соблюсти уровень синхронно-современный, опираться на основательное знание теории и разных концептуальных рекомендаций. Симпатично, что автор предпосылает своей работе подробные сведения об имеющихся сравнительных трудах. К менее сильным сторонам опуса относится то, что упор делается гл. обр. только на внешнюю, поверхностную сторону предикативных единиц, несколько механично, без надлежащего учета системных и функциональных координат экспонируемых типовых примеров по отдельным языкам. Тем не менее Шренк удачно наметил пути будущих трактовок изучаемого объекта исследования.

12 В последние десятилетия вышло в свет немало работ, занимающихся сравнительным синтаксисом одной только славянской ветви. На первом месте стоит сравнительная и сравнительно-историческая обработка синтаксиса восточнославянских языков. Ведущее место здесь занимал В. И. Борковский, являвшийся автором или редактором нескольких синтезов, напр., о типах простого предложения (1968), о членах предло-

жения (1968), о сложном предложении (1972, 1973). Его многолетние заслуги в этом направлении трудно переоценить. Кроме того, были созданы и некоторые справочники по сравнительному параллельному освещению синтаксического строя русского, украинского и белорусского языков, в частности книга Т. В. Баймута и др. (1957) или книга Н. И. Букатевича и др. (1958).

Относительно южно-славянской ветви возникали прежде всего частные сравнительные труды, занимающиеся гл. обр. балканским языковым союзом, т. е. теми общими чертами, какие роднят балканские славянские и неславянские языки; ср., напр. A. Seliščev (1925), M. Pavlović (1957/58), S. Heřman (1959), J. Sedláček (1969, 1973), H. D. Klagstad (1963), G. Reichenkron (1966), И. Грицкат (1968), В. Георгиев (1972), H. Kurzová (1974), H. Orzechowska (1977), S. Gogolewski (1982). Особое место занимает книжный труд Г. А. Цыхуна (1978) о типологии синтаксических отличий в балкано-славянском ареале.

Западно-славянская ветвь пока не располагает цельной обработкой сравнения синтаксических систем соответственных языков, имеются лишь билатеральные сопоставления или частные очерки и статьи (напр., Lotko 1986, Mrázek 1979).

13 С другой стороны, довольно велико число работ, исследующих ту или иную частную синтаксическую тему с компаративистской установкой, будь то книги или только статьи. Кроме того, некоторые эскизы проходят весь славянский материал в виде обзорных, инвентаризирующих характеристик (напр., Růžička 1963, Ivić 1960). Знаменателен в этом отношении вклад чешских грамматистов. Ведущей личностью долгие годы был Б. Гавранек, благодаря своему двухтомному опусу о залогах славянского глагола (Havránek 1928, 1937) и ряду последующих произведений, направленных на сравнительно-историческое и сравнительное славянское языкознание и его методологию. Замечательной личностью был богемист, палеословенист и компаративист Я. Бауэр, безвременно скончавшийся в 1969 г., оставивший богатое творческое наследие. Особенно глубоко он проник в теорию и диахронию славянского сложного предложения; его важнейшие статьи собраны в сборнике *Syntactica slavica* (1972). По его же инициативе состоялись в г. Брно (Чехословакия) с 1961 г. синтаксические симпозиумы (всего четыре), уделявшие внимание проблемам славянского синтаксиса. Иными специалистами по славянским языкам и их сравнительному синтаксису являются в чешской среде особенно Е. Беличова-Кржижкова (Běličová-Křížková, ряд очерков и статей по вопросам грамматики вообще), отчасти также автор настоящей книги (статьи по избранным вопросам славянского простого предложения).

Советская славистика имеет видных синтактологов; некоторые из них посвятили себя также и сравнительно-историческому или просто сравнительному изучению всего славянского материала. Помимо упоминавше-

гося А. С. Мельничука можно отметить такие имена, как-то: В. Н. Топоров (монография о славянском локативе), А. Е. Супрун (разыскания о славянских числительных и их функциях), В. М. Русанівський (диатезы глагола в строе предложения), В. И. Собинникова (употребление падежных и предложно-падежных форм), Т. М. Молошная (субстантивные и адъективные словосочетания), В. И. Дегтарев (категория числа в славянских языках), Т. М. Николаева (функция частиц в высказывании, на славянском материале). Были созданы некоторые представительные сборники по синтаксической компаративистике, напр., о творительном падеже в славянских языках (1958, под ред. компаративиста С. Б. Бернштейна), сборник о сравнительно-историческом изучении славянских языков (1966, под ред. А. С. Мельничука).

Из числа прочих синтактологов, разработавших тот или иной участок синтаксической системы во всеславянском масштабе, заслуживают быть отмеченными особенно: И. Леков, уделявший всегда много внимания межславянским языковым проблемам, М. Деянова и Д. С. Станишева (книга о взаимодействии синтаксического и морфологического планов 1976 г.), М. Ивич (Ivić, несколько интересных статей, напр., об отрицательных, обобщенно-личных и неопределенно-личных высказываниях, о безличном типе с твор. падежом), С. Сятковский (неопределенно-личные предложения в современных славянских языках), Р. Ружичка (Růžička, разыскания по деепричастным оборотам и т. наз. номинальным фразам), В. Панцер (Panzer, книга о славянском кондиционале), Ф. В. Мареш (Mareš, славянская падежная система), Й. Трыпучко (Trypućko, книги об адвербиализованном имен. надеже и о множ. числе в обстоятельствах места), Й. Ян (Jahn, славянское наречие), А. Вежбицка (Wierzbicka, слав. дательный падеж с инфинитивом), Е. Курцова (Kurzová, сложное предложение), Д. С. Станишева (синтаксис винительного падежа в вост.-слав. языках).

III. ТРАКТОВКА МАТЕРИАЛА В ПРЕДЛАГАЕМОЙ КНИГЕ — ПРИНЦИПЫ ДЕРИВАЦИОННОГО СИНТАКСИСА

14 Перечисленные в предыдущей главе, а также многие другие работы послужили нам в качестве важной опоры при составлении настоящей книги. Вторым опорным пунктом являлись программные проекты и указания, непосредственно затрагивающие вопросы общей концепции, целей и приемов сравнительно-исторического или сравнительного изучения и описания славянского синтаксиса и грамматики вообще. Полагалось, далее, быть в курсе дела по современным, непрерывно движущимся теоретическим